

Железа является вторичным половым признаком Омега. Её полное развитие сигнализирует о полном совершеннолети. Обычный человек не позволил бы никому, кроме себя, так касаться её — даже при том, что у Тун Цинхэ были очень интимные отношения с его дядей-альфой, ему не хватило ни дерзости, ни смелости, чтобы даже намекнуть своему альфе поцеловать эту область — настолько чувствительную, что он сам едва смел её касаться.

Цзян Шаочжи не просто поцеловал. Он не отстранился, а, наоборот, обнял Тун Цинхэ, прижал к себе, и его взгляд горел. Тёплое, влажное дыхание обожгло железу. Тун Цинхэ смутился до предела, крепче сжал руки на затылке Цзян Шаочжи. Его ладони беспорядочно скользили, даже оставив зацепки на парадной форме его дяди-военного.

— Дядя, ты... ты отпусти меня, пожалуйста, — напряжённо заговорил Тун Цинхэ.

Он схватил книгу, которую Цзян Шаочжи только что отложил в сторону, заставляя себя отвлечься. Любой, чью сокровенную и чувствительную часть тела так близко рассматривают, не выдержит такого напора. Кончики его ушей и шея налились кровью, став пунцовыми.

Сердце Тун Цинхэ то падало, то взлетало. Он попытался применить силу, чтобы оттолкнуть альфу, но его конечности были мягки и слабы, да и альфа намеренно прижал его крепче. А во время разговора дыхание альфы, щекоча железу, дразнило юного омеги, заставляя его голову идти кругом от желания и страсти. Даже полено бы проснулось от такого.

Низкий, уверенный голос альфы раздался у его уха:

— Я, твой альфа, твой номинальный муж, оказался совершенно никудышным.

Тун Цинхэ покраснел глазами, готовый расплакаться, но без слёз. Сладкий и свежий аромат жасмина застенчиво обвился вокруг Цзян Шаочжи. Чем больше он пытался отстраниться, тем сильнее его феромоны обволакивали альфу, не желая его покидать.

Цзян Шаочжи ощущал, как аромат жасмина вокруг него сгущается, и каждая пора его тела кричала от удовольствия. Уголки его глаз слегка дрогнули. Обнимая омегу, он вздохнул: «Кажется, я немного злоупотребляю его доверием».

Каждая линия и каждый изгиб тела альфы, закалённого в боях, были острыми, как лезвие. Отточенные временем и сражениями, они говорили о сдержанности и невозмутимости. Тридцать лет — не юный возраст для неженатого альфы. Мужчины такого возраста и опыта уже миновали этап голой страсти и не обязательно стремились к обладанию омегой.

Цзян Шаочжи думал, что никогда в жизни не встретит подходящего ему омегу. Из всех омег, которых к нему присылали, не было ни одного, кто бы не дрожал от страха перед его феромонами. Те, кто видел его Цюн-ци, просто подгибали колени от ужаса, не смея приблизиться к такому свирепому зверю.

Цзян Шаочжи и подумать не мог, что и ему доведётся проявить «железную нежность». Пока он не касался омеги, всё было хорошо, но стоило коснуться — это стало жизненно важным.

Хотелось владеть, хотелось поставить метку, хотелось жениться.

Особенно после четырёх дней интимной близости в закрытом помещении, после того как он пережил сцепление. Не было ни минуты, чтобы Цзян Шаочжи не думал об этом. Мысли обжигали его лицо и сердце. Кровь в его жилах никогда ещё не кипела так сильно.

— Я должен был связаться с тобой сразу после успешного паринга и начать строить отношения, — сказал Цзян Шаочжи. — Но на самом деле у меня было задание, из-за которого твои сообщения не получили ответа, канув в небытие.

— Ничего страшного, — пробормотал Тун Цинхэ. Хотя тогда он немного расстроился, не получив ответа, он с пониманием подумал, что у его альфы, вероятно, было важное дело, и его отсутствие ответа вполне объяснимо.

Он сонно проговорил: — Дядя, ты всё-таки отпусти меня, пожалуйста...

Независимо от того, как его маленький омега пытался отбиться ртом и руками, его феромоны, повинаясь внутреннему волнению, предельно честно демонстрировали его самую искреннюю, первобытную реакцию. Тун Цинхэ говорил «отпусти», но его феромоны цеплялись за альфу ещё крепче. Волосы, уголки рта, кончик носа Цзян Шаочжи — всё пахло жасмином.

Дыхание Цзян Шаочжи перехватило. Он увидел, что железа его омеги слегка увлажнилась, кожа порозовела, а феромоны с ароматом жасмина проникли ему в ноздри. Он изо всех сил подавлял желание коснуться, поцеловать, укусить эту область кончиком языка и зубами, и закрыл глаза.

Крепость.

— При наступлении гона я должен был помочь тебе, поставить метку, чтобы ты мог комфортно её пережить, — сказал он. — Но сейчас я не могу этого сделать. Ранняя метка причинит тебе вред.

Тун Цинхэ глухо ответил: — А позже метка...

Цзян Шаочжи вздохнул про себя: его омега был таким доверчивым, не винил его ни в чём, доверял всем сердцем. По логике, он должен был радоваться, но почему же ему так хотелось подразнить его?

Цзян Шаочжи продолжил «обвинять» себя:

— Ты помог мне достичь сцепления. Сразу после этого я должен был дать тебе обещание, но не сделал этого, и даже не видел твоего лица. Строго говоря, я, правда, не был достойным мужем.

Сердце Тун Цинхэ сжалось. Он, наоборот, попытался утешить его:

— Ничего страшного. Мы ведь ещё не женаты. — Поэтому и не муж.

Лицо Цзян Шаочжи слегка изменилось, словно его омега оглушил его дубиной по голове: — Когда мы сможем пожениться?

“Хочу жениться.”

Тун Цинхэ замолчал. Цзян Шаочжи забеспокоился, что слишком сильно давит на него. Омега ещё молод, полон идей, и его нежелание вступать в брак сейчас было вполне нормальным. Сколько альф, достигших совершеннолетия, было набрано в его отряд? По мнению молодёжи, брак был слишком ранним ограничением, и все они говорили, что не собираются жениться так скоро.

Цзян Шаочжи сделал себе мысленную пометку и сменил тему:

— Как продвигается сбор твоих материалов?

Тун Цинхэ был в замешательстве, не понимая, как разговор о браке перескочил на сбор материалов (его было легко сбить мысли):

— Почти всё собрано.

— Завтра мы вместе отправляемся обратно в Федерацию, — сказал Цзян Шаочжи.

Цзян Шаочжи годами выполнял задания в отрыве от дома, накопил бесчисленные заслуги, но возвращался в Федерацию лишь считанное число раз в год. Теперь, когда у него появился свой омега, он впервые задумался о том, чтобы осесть в Федерации.

Чтобы пожениться, нужно было многое подготовить. Во-первых, Цзян Шаочжи предстояло построить отношения со своим маленьким омегой. А это много шагов: знакомство с родителями, покупка и обустройство дома, совместное проживание до брака. И самое главное — Тун Цинхэ готовился к совершеннолетию.

В день отбытия обратно в Федерацию Тун Цинхэ был занесён на борт Цзян Шаочжи. Прошлой ночью Цзян Шаочжи, обнимая его, говорил много и отрывками. То целуя, то говоря, он посреди ночи упорно «строил отношения», из-за чего Тун Цинхэ плохо спал. Тун Цинхэ искренне завидовал силе и энергии альфы. Он в полусне свернулся на руках Цзян Шаочжи, пытаясь

вздремнуть.

Только на борту он обнаружил, что этот военный звездолёт с эмблемой Федерации перевозил только спецотряд «Цюн-ци» и Чжоу Чэ, которому удалось попасть сюда лишь благодаря Тун Цинхэ.

Чжоу Чэ, увидев Цзян Шаочжи, не смог сдержать волнения, и даже его ментальный образ выскочил, издавая глухие, наивные звуки. Черноволосый пёс выглядел мило и неуклюже. Тун Цинхэ посмотрел на него пару раз, не заметив, как напряглась челюсть Цзян Шаочжи.

Внутри корабля раздался рёв. Альфы, потрясённые внезапным появлением Цюн-ци, поспешно отступили.

А чёрный пёс тоже исчез без следа.

Тун Цинхэ смотрел на Цюн-ци. Увидев, что омега смотрит на него, Цюн-ци лёг, покопал лапой и пару раз встряхнул крыльями.

Тун Цинхэ ещё больше удивился: — Что с ним?

Цзян Шаочжи отрезал: — С ума сошло.

“(Ещё один) взгляд на чужой ментальный образ — и он сойдёт с ума.”

<http://bllate.org/book/4/73>